СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

И.А.Разумова, О.А.Сулейманова

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

К постановке проблемы

Промышленно-научный скачок и связанная с ним урбанизация Кольского полуострова, как хорошо известно, повлекли за собой интенсивные миграционные потоки, вследствие чего население Кольского края сформировалось в основном за счёт пришлых людей из разных регионов страны. В силу сложившихся условий формирования местного сообщества, Кольский Север представляет интерес для изучения различных сторон адаптации, или укоренения людей, живущих в данном регионе.

Население Кольского полуострова в настоящее время представлено в основном двух-, значительно реже – трехпоколенными семьями. В их составе, во-первых, собственно переселенцы (мигранты) – те, которые сами по каким-либо причинам переехали жить на Кольский Север из других регионов; во-вторых, дети и внуки переселенцев, чьи родители и/или прародители переехали на Кольский Север в разные годы, добровольно или вынужденно. В связи с этим мы провели исследование, целью которого было выявить, как воспринимается жителями Кольского Севера место их проживания, освоенное относительно недавно, и играет ли культурная память семьи какую-либо роль в локальном самоопределении современных северян.

Культурная память семьи помогает человеку самоопределиться. Знания, воспоминания о предках, родителях, наряду с усвоенными с детства моделями поведения, формируют не только этническое, социальное, личностное (в совокупности свойств) самоопределение, но и локальную идентичность. Если индивид знает, что все его предки родились в определённой местности, где он и сам проживает, то можно уверенно предположить, что его локальная идентичность будет совпадать с таковой у его родителей и предков. Проблема может возникнуть тогда, когда место фактического жительства не совпадает с местом рождения индивида, его родителей, с родиной предков и т.п.

В то же время встает вопрос: в какой степени семейная память предоставляет свободу индивидуального выбора? У человека есть выбор при определении родины: либо ориентироваться на семейно-родственное сообщество (на "родину предков"), либо на то место, где он родился. Он даже может иметь "две родины": место, где родился, и "родину предков". В иных случаях человек вообще затрудняется в локальном самоопределении.

Исследование локальной самоидентификации личности и семейной группы представляет большой интерес прежде всего потому, что отношение к месту в значительной степени определяет жизненные стратегии и поведение отдельных людей, семей и прочих "малых" общностей, их социальное самочувствие, территориальную и социальную мобильность и многое другое. Вместе с тем по данной проблеме почти отсутствуют эмпирические исследования.

Локальная идентификация

Локальная идентификация есть отождествление социального субъекта с локальной группой и определённым местом. Отнесение его к той или иной локальной общности осуществляется по известным параметрам: на основании принадлежности к этносу, для которого данная территория является "исконной"; по связи "родовых корней" с определенным краем, городом или селом; по причастности к национально-территориальной, политической общности и т.п., - образующимся в процессе историко-культурного развития общности, и одновременно – в процессе становления личности. Во всех случаях территория является символическим пространством, на основе которого происходит идентификация и самоидентификация групп и индивидов. Теоретическому осмыслению категории "территориальная (региональная, локальная) идентичность" уделяется в последнее время большое внимание в социологических и социально-антропологических исследованиях (Шматко, Качанов, 1998; Смирнягин, 1999; Колосов, 2001; Сверкунова, 2002; Центр, 2003; Бороноев и др., б.г.). По результатам социологического исследования, проведенного в 2005 г. в Ставропольском и Краснодарском краях, Е.В.Морозова и Е.В.Улько предложили набор критериев локальной идентичности и соответствующих им эмпирических индикаторов. Исследователи сгруппировали их в следующие блоки: "идентификация с малой родиной, идентификация с историческими событиями, идентификация со значимыми людьми, позитивные каналы идентификации, негативные каналы идентификации" (Морозова, Улько, б.г.). Перечень критериев-индикаторов, очевидно, может быть обсужден и скорректирован, но само направление исследований очень перспективно.

Одним из формальных показателей локальной идентичности является восприятие той или иной территории как "родины". Рассмотрению различных аспектов, связанных с этим понятием, посвящены специальные работы (Сандомирская, б.г.; Ю.В.Чернявская, б.г.). В культуре понятие родины достаточно устойчиво, оно заштамповано в устной и письменной речи. В толковых словарях определения слова "родина" совпадают, оно трактуется в двух основных значениях: 1) "отечество, родная страна"; 2) "место рождения кого-нибудь, чего-нибудь, возникновения чего-нибудь" (Ожегов, 1998, с.556). Таким образом, в первом значении данное слово относится к "большой Родине", в то время как второе значение связано с понятием "малой родины". Эти два значения в культуре четко различаются, что убедительно продемонстрировала И.Сандомирская – автор известного исследования о понятии "Родина" в культуре советского периода. Родина, по ее мнению, с одной стороны, является фетишем государственности, с другой стороны, обозначает идеальное состояние локальности (Сандомирская, б.г.).

На формирование локальной идентичности малой группы и индивида могут влиять различные факторы. Локальная идентичность базируется, прежде всего, на осознании общности происхождения, традиций, ценностей, верований, а также на ощущении исторической и межпоколенной преемственности. В данном случае нас интересует именно последнее: как семейный историко-культурный опыт влияет на локальное самоопределение.

Культурная память семьи и локального сообщества

Семейная память больше, чем память одного или нескольких человек, это память о событиях и личностях семейно-родственного сообщества. Она может включать в себя один или несколько линиджей и варьируется по объему и содержанию в зависимости от позиции "эго". Вместе с тем малая семья имеет определенный общий фонд памяти, объединяющий ее членов. Эта память присутствует в каждом, но степень ее осознания индивидами и группами различна (Разумова, 2001).

Память семьи особым образом поддерживает равновесие между членами данной группы. Семья помогает в самоопределении личности во многом благодаря наличию устойчивого фонда памяти. Семейная память накапливается и сохраняется через передачу её членами родственного сообщества из поколения в поколение. Семейное историческое знание помогает человеку самоопределиться по целому ряду признаков, таких как личные качества, антропологические характеристики, этническая, социальная, локальная принадлежность и т.п. Семейная память передаётся не только вербально. Существуют также и невербальные формы: семейные фотографии, реликвии, и т.п. Но для того, чтобы память сохранялась, в первую очередь необходимы хранители памяти и ее восприемники.

Во многом благодаря семейной памяти семейно-родственная группа выполняет свою стабилизирующую функцию и одновременно остаётся важнейшим фактором адаптации человека к меняющимся условиям жизни в пространстве и времени (Разумова, 2006в). Так, постепенно укореняясь в определенной местности, семья, с одной стороны, соединяет свою историю с историей локальной, а с другой, - приспосабливает к себе местные культурные ценности. У каждого локального сообщества есть своя культурная память, которая помогает данному сообществу идентифицировать себя среди других локальных сообществ. "Многочисленные переселенцы, приехавшие на Кольскую землю в советский период, рождают собственное обыденное толкование местной истории" (Фёдоров, 2004). Став же непосредственными участниками строительства новых промышленных городов, они осознают себя созидателями истории, и это осознание воспринимается прямыми потомками (Разумова, 2006а). Вопросы о том, влияет ли семейное историческое знание на локальную самоидентификацию индивида, и в какой степени человек ориентируется здесь на семейную память, на наш взгляд, имеет смысл ставить и решать только с учетом конкретных региональных социально-исторических контекстов.

Теоретическую основу решения таких проблем составляют труды, посвященные культурной памяти как социальному явлению, - исследования М.Хальбвакса, П.Нора, Я.Ассмана и др., которые в высшей степени актуальны и в настоящее время благодаря развитию исторической антропологии, устной истории. В соответствии с концепцией социального конструирования памяти, предложенной в свое время французским социологом первой половины XX века М.Хальбваксом и развитой, в частности, в работах Я.Ассмана, память социально

обусловлена, живет в процессах коммуникации и прекращается вместе с ними (Ассман, 2004; Хальбвакс, 2005). Она возникает у человека лишь в процессе социализации, формируется в коллективе через взаимодействие в рамках социальных групп. Индивидуальная память отдельной личности зависит от степени и характера ее вовлечённости в различные социальные группы, начиная с семьи. М.Хальбвакс различал категории: "память" (коммуникативная память, которая неотделима от процесса коммуникации) и "история" (культурная память как объект мемориальной деятельности). История воспринимается как "внешняя" и "мёртвая" (например, повествование об истории страны). Коммуникативная память – это живая память на "микроуровне". Благодаря памяти о предках, происходит открытие исторического прошлого. Именно так историческая память постепенно интегрируется в живую память. Память поколений - это важный опыт, который сохраняется в памяти наших старших родственников, ставит нас в ситуацию коммуникации с опытами представителей других поколений. Семейная память одновременно является видом коммуникативной и культурной памяти. "Память о предках "коммуникативна", поскольку свойственна всем людям, в то же время "культурна", поскольку вырабатывает специальных носителей, обряды и институты" (Ассман, 2004, с.64).

Обращение к семейной памяти способствует поддержанию идентичности общности, поскольку рассказы о прародителях, генеалогии способствуют самоопределению и служат подтверждением идентичности. Так, сведения, а тем более семейные рассказы о том, что предки родились и жили в определённой местности, могут оказать влияние на формирование локального самосознания индивида.

Родина - "место памяти"

Целью проведённого нами исследования стало определение характера влияния семейной памяти, включающей семейные знания, на локальную идентичность переселенцев и их потомков. Объектом данного исследования выступили жители городов Кировск, Апатиты и пос.Титан. Всего в исследовании приняли участие 15 чел. в возрасте от 20 до 77 лет. Сбор информации осуществлялся в соответствии с заранее сформулированными вопросами интервью.

Одним из результатов исследования можно считать вывод о многообразии концептуализации "малой родины". Наблюдается известный уровень вариативности данного понятия. На индивидуальном уровне в него вкладываются различные смыслы, отчасти не совпадающие с общепринятыми определениями. Для всех респондентов "малая родина" – это, в первую очередь, эмоционально-психологическая категория. Она не только указывает на место рождения, но связана с воспоминаниями, детскими впечатлениями и ощущениями, школой и т.п.

Ну, родина для меня, наверное, там, где прошла моя основная жизнь: где прошло моё детство, юность, где я выросла (Ж, 70 л.).

Родина для меня значит, ну, это место, где я выросла, для меня родина. Родина – это где прошли мои школьные годы, где мои друзья. Вообще родина – это то, что вызывает приятные воспоминания, приятные впечатления какие-то, и место, туда, куда хочется возвращаться снова и снова (Ж, 20 л.).

Ну, это там, где мне нравится жить, всё устраивает (Ж, 41 г.).

Исследование подтвердило, что родина – это, прежде всего, факт индивидуальной биографии (Разумова, 2006б). Это "место памяти" (П.Нора), личного прошлого, для описания которого характерно использование оценочных категорий.

Рассуждая о родине, информанты сами подчёркивают, что "малая родина" совсем не обязательно связана с местом рождения:

Ну, дело в том, что моя родина - не где я родился, а где я провёл свою жизнь, где мои друзья, где мои воспоминания, где я учился. ... Для меня родина - это, прежде всего мои друзья, мои воспоминания, воспоминания, да, самое важное. Дом, дом, семья. Вот это родина (М, 20 л.).

Методом семантического анализа и контент-анализа текстов удалось выделить основные значения, включаемые информантами в понятие "малой родины". В содержание понятия и в ассоциативный ряд включаются такие категории: "родные" ("родственники"), "мать", "близкие", "друзья", "место становления", "место самореализации", "место рождения", "место рождения родителей", "детство", "школа", "школьные годы", "дом", "маленький уголочек", "время проживания", "приятные впечатления и воспоминания", "стабильность", "защита". Самыми частотными являются значения: "место становления", "место рождения", "воспоминания", "родные" ("родственники"), "друзья".

В ходе проведения интервью мы задавали информантам вопросы о значении "большой родины" с целью выяснить, как понимается данная категория и противопоставляется ли данное понятие "малой родине".

Почти все информанты (за исключением одного случая) смогли определить понятие "большая родина". При этом содержание, вкладываемое информантами в данное понятие, практически не варьируется. Большинство информантов отождествляют понятие "большая родина" со страной, Россией:

Ну, вообще-то родиной считаю, малой родиной – Титан, а родиной вообще – Россию (М, 21 г.).

Большая родина - Россия (девушка, 20 лет).

Родина - это Россия, по великому счёту. А малая родина – это где человек родился (Ж, 48 л.).

Лишь в одном случае наблюдается отличие в понимании таких категорий, как "малая" и "большая" родина. Информант определяет эти понятия с точки зрения большего или меньшего времени проживания в определённых регионах:

Малая родина, где жил, родился, где немного жил. Большая родина, где в настоящее время, сейчас проживаешь. В Апатитах я большую часть своей жизни прожил, поэтому это "большая" родина (М, 72 л.).

Только в единственном случае в содержание понятия "большая родина" включается этническая характеристика:

Большая родина это, наверное, вся страна, вот, вся Россия. Как бы, что я русская к примеру (Ж, 20 л.).

Семейные и личные пространственные координаты

В ходе исследования необходимо было в первую очередь определить, с какой местностью переселенцы и их потомки идентифицируют себя и каковы факторы, повлиявшие на формирование той или иной локальной идентичности.

У каждого индивида существует определённая "система координат", на основании которой он ориентируется и определяет себя в пространстве. Так, индивид при выборе локальной идентичности может ориентироваться: на место своего рождения, место рождения родителей, место рождения предков (бабушек, прабабушек и т.п.), родину родителей, родину предков и т.п. В связи с

этим в ходе проведения интервью задавались вопросы, направленные на выяснение "пространственных координат" информанта. Таким образом, нами были заданы параметры, по которым можно проследить, что повлияло на формирование локальной идентичности, и какую роль при этом играет культурная память семьи.

У некоторых информантов наблюдаются "переопределение" родины в течение жизни: две и даже три родины (последний случай - единственный).

У меня, наверное, две малых родины. Вот, Пензенская область, деревня Троицкое и посёлок Титан, здесь в Мурманской области (М, 21 г.);

Ой, у меня три родины (Ж, 41 г.).

Существенной проблемой является то, как и по каким причинам происходит этот процесс. Переопределение родины – это сложный и долгий, подверженный различным обстоятельствам, процесс. По-настоящему идентификация с определённым регионом может происходить в течение жизни не одного поколения. В данном случае может иметь место территориально "поколенный сдвиг".

Территориальный поколенный сдвиг может быть рассмотрен на основе концепции "языкового сдвига", принятой в современной этно- и социолингвистике. Анализ процесса утраты языка у народов Севера в XX веке под влиянием ряда причин, - прежде всего, языковой политики, - показал, что переход с материнского языка на язык, например, титульной общности, происходит по поколениям. Молодые люди легче приспосабливаются к "новому" языку и могут владеть двумя языками, с течением же времени и под воздействием определенных факторов материнский язык может оказаться утраченным. В ином случае может наблюдаться устойчивое двуязычие (Вахтин, 2001). Подобные процессы лучше всего прослеживаются на уровне семей. По аналогии с тем, как результатом процесса языкового сдвига оказывается двуязычие, в процессе поколенного сдвига локальной идентичности у индивида могут образоваться две родины, или его родина может не совпадать с родиной родителей или предков.

Рассмотрим уникальный (на фоне нашего материала) случай – женщина в возрасте 41 год (табл.).

Пространственные координаты информанта

Место рождения предков	Вологодская область
Родина предков	Вологодская область
Место рождения родителей	Вологодская область
Родина родителей	Вологодская область
Место рождения	Вологодская область
Родина	1 - Мурманская область, г.Апатиты 2 – Вологодская область 3 – Калининградская область
Место жительства	Мурманская область, г.Апатиты
"Большая родина"	Россия
"Малая родина"	Мурманская область, г.Апатиты

Информант идентифицирует себя с тремя местами: 1 - Мурманская область, г.Апатиты; 2 – Вологодская область; 3 – Калининградская область:

Ой, у меня три родины. Я не знаю точно. Здесь родилась, нет, родилась в Вологодской области, жила до 17 лет в Апатитах, потом в 17 лет не в Апатитах, а теперь вот опять в Апатитах, даже не знаю, вот, Калининградская область (Ж, 41 г.).

"Родина" информанта совпадает с местами: рождения и жительства. Информант идентифицирует себя с местом, где она родилась и с местами, где какое-то время проживала. По-видимому, при локальном самоопределении она ориентируется на родину родителей и предков, но это не является основным фактором, повлиявшим на формирование локальной идентичности. Можно предположить, что отрыв от "родины предков" и разъединение семьи в результате миграции повлияло на локальную идентификацию. В результате наблюдается сдвиг локальной идентичности, который приводит к наличию трёх родин.

На основе полученных данных по каждому информанту была составлена таблица, в которой отражалась некая пространственная "система координат" данного индивида. В результате представляется возможным выделить формы локальной идентификации, в зависимости от того, как информантами понимается "родина" (место, с которым они себя идентифицируют). Всего нами было выделено 7 основных форм идентификации, соответствующих типам информантов:

1. Родина – место становления. Информанты данного типа идентифицируют себя с местом, где прошло детство или значимый период их жизни.

2. Родина – место жительства. Для данной категории информантов характерно идентифицировать себя с местом своего жительства независимо от фактического места рождения.

3. Родина – место рождения. Эта категория информантов идентифицирует себя с местом своего рождения независимо от фактического места жительства.

4. Родина – место рождения и место жительства. Локальная самоидентификация осуществляется по месту рождения, совпадающему с фактическим местом жительства. Для информантов такой способ представляется наиболее очевидным.

5. Родина – место рождения и проживания родителей и предков. Информантам данной категории свойственно идентифицировать себя с местом рождения и проживания родителей и предков, независимо от их фактического места рождения и жительства.

6. Две (три) родины. Для данной группы информантов характерна самоидентификация одновременно с несколькими местами – по разным основаниям.

7. Родина – место рождения, совпадающее с родиной предков (родителей).

Доминирующим является тип 4, у его представителей родина совпадает с местом рождения и жительства. К данному типу относятся внуки мигрантов. Достаточно распространёнными также являются типы 1 (родина как место становления) и 2 (родина как место жительства). К данным типам в основном относятся сами переселенцы. Для детей мигрантов наиболее характерен тип 6 -

наличие двух и трёх "родин". На этом основании можно предположить, что дети мигрантов достаточно адаптированы к месту проживания. Наличие двух "родин", как двух языков, указывает на то, что у человека расширено личное культурное пространство, и социально данный индивид более адаптирован. В то же время наличие нескольких "родин" может свидетельствовать о неспособности "укорениться" на одном определённом месте и о несформировавшейся локальной идентичности.

В ходе исследования выяснилось, что на формирование локальной идентичности главным образом влияет субъективное восприятие родины. При ее определении самым важным для информантов является смысл, который вкладывают они сами в понятие "родина". Так, судя по высказыванию информанта, и "большая", и "малая" родина – это фактически категории биографического времени, та или иная часть жизни:

Малая родина, где жил, родился, где немного жил. Большая родина, где в настоящее время, сейчас проживаешь. В Апатитах я большую часть своей жизни прожил, поэтому это "большая" родина (М, 72 л.).

Соответственно и идентифицировать себя данный индивид будет с тем местом, где прожил большую часть жизни. Если же человек считает, что родина – это место, где прошли лучшие годы его жизни, то локальная идентификация оказывается иной:

Родина – это где прошли мои школьные годы, где мои друзья. Вообще, родина – это то, что вызывает приятные воспоминания, приятные впечатления какие-то, и место, туда, куда хочется возвращаться снова и снова (Ж, 20 л.).

Факторы локальной самоидентификации: поколенный сдвиг

Таким образом, в качестве основных факторов, которые повлияли на формирование локальной идентичности у самих переселенцев, можно выделить следующие:

переезд в раннем возрасте с места рождения в другую область, что в частных случаях привело к сдвигу локальной идентичности. В результате такого "сдвига" информант либо вообще перестаёт идентифицировать себя с местом своего рождения, и, как следствие, у него происходит "переопределение" родины, либо считает место своего рождения "второй родиной" / "малой родиной", идентифицируя себя с местом настоящего жительства или местом, где прошла его основная жизнь;

восприятие нового места жительства ("отторжение" или, напротив, интериоризация места проживания). Если информант недоволен местом своего настоящего жительства, он не может полностью адаптироваться, что обуславливает установку на выезд из данного региона. И, наоборот, интериоризация места проживания, основанная на положительной его оценке, способствует отсутствию миграционной установки;

время проживания на "новом" месте. Индивиду трудно отождествлять себя с тем местом, где он прожил всего несколько лет. Такая ситуация наблюдается у переселенцев, которые проживают на Кольском Севере менее 10 лет;

ориентация на место рождения. Этот фактор устойчив в силу традиционной и прямой семантизации самого понятия. Для современного человека "родина" ассоциирована, скорее, не с "родом", "родными", "родителями", а с собственным "рождением".

В ходе исследования было выявлено, что у переселенцев существенное влияние на локальную идентичность оказывают сильные родственные связи и переживание пространственного удаления от родных. Так, большинство опрошенных утверждали, что считают то или иное место своей родиной, поскольку там проживают или проживали их предки, родители или родственники.

Основными факторами, оказавшими влияние на формирование локальной идентичности у детей мигрантов, являются:

восприятие нового места жительства ("отторжение" или интериоризация места проживания);

ориентация на родину родителей и предков;

ориентация на место рождения.

Следует отметить, что у детей мигрантов значительно меньшую роль играет такой фактор, как семейно-родственные связи. Это обусловлено тем, что их родители проживают в том же регионе, нередко вместе с ними. Самое значительное влияние на локальную идентификацию представителей данной группы оказывает фактор "место рождения".

Факторы, которые определяют формирование локальной идентичности у внуков мигрантов, следующие:

интериоризация места проживания;

ориентация на место рождения и место жительства;

ориентация на родину предков (единичный случай).

В данном случае наблюдается значительное снижение роли такого фактора как "ориентация на родину предков". Многие информанты знают о фактическом месте рождения своих предков, все без исключения знают о месте рождения и родине родителей, но это не мешает им ориентироваться при локальном самоопределении на место своего собственного рождения. При этом совпадение родины информантов с родиной их родителей наблюдается далеко не всегда.

Выявление содержания семейного знания, связанного с локальной идентификацией переселенцев и их потомков, составило самостоятельную задачу исследования. При проведении интервью мы специально останавливались на некоторых аспектах: значении историко-семейного знания, оценки своих знаний родословной, роли отдельных личностей в истории семьи, знании места рождения родителей и предков, а также мест, которые они считают своей родиной.

Практически, все информанты (и переселенцы, и потомки) считают, что знание истории своей семьи важно и необходимо:

Да, я думаю, это очень важно. Тем более, что сейчас уже, ну, когда, вот, во взрослом, можно сказать, возрасте, понимаешь, что действительно важно. Когда вот, осознаёшь, что, как бы, о своих предках знаешь совсем мало. Наверное, это очень важно (Ж, 20 л.).

Ну, конечно. Это очень важно (Ж, 20 л.).

Конечно, интересно знать кто там, чего, кто кем был, кто у тебя есть, что ты не одинок (Ж, 70 л.).

Только два информанта затруднились ответить на этот вопрос. Одна из них относится к условному поколению "детей" мигрантов, другой – к поколению "внуков":

"Даже и не знаю. Нас как-то воспитывали, что немного рассказывали. Сейчас дети тоже не очень-то интересуются" (Ж, 46 л.);

"Может быть, это и важно. Но я без особых знаний живу, нормально. Может, и важно. Не знаю, если честно" (М, 22 л.).

Все информанты утверждают, что недостаточно или очень мало знают историю своей семьи:

"Я считаю, что достаточно мало знаю. Если бы, может быть, интересовался, может, больше бы знал. А так, если честно, совсем мало знаю" (М, 22 л.).

Таким образом, практически, все информанты осознают важность знания истории семьи, но при этом отмечают, что их личные знания не глубокие, а лишь поверхностные. Ответственность за такие поверхностные знания возлагаются в основном на родителей или предков. Мотивируется это тем, что родители и предки либо не стремились передавать им семейное знание, либо сами не имели достаточной информации в силу каких-либо объективных причин.

Можно предположить, что утрата семейного знания связана с пространственным фактором. "Отрыв" переселенцев от родины предков, разъединение родственников могло способствовать забыванию, частичной утрате семейной памяти. Региональная специфика такова, что трёхпоколенных семей довольно мало. По этой причине семьи являются в подавляющем большинстве не расширенными, а нуклеарными. Вследствие этого происходит сбой в передаче семейного знания, актуальным становится знание внутри только данной семьи, семья замыкается на себе. Вместе с тем возможны и иные гипотезы, касающиеся трансляции культурной памяти семей переселенцев и их потомков (Разумова, 2006в).

Нами не было выявлено зависимости локальной идентичности от глубины генеалогического знания. Глубина семейно-исторической памяти у всех участвовавших в исследовании информантов (переселенцев и потомков) примерно одинакова и в среднем составляет у самих мигрантов 3 поколения, у их детей – 4 поколения, у внуков – 3 поколения. Отклонение от среднего наблюдается лишь в одном случае (7 поколений), однако и здесь относительно глубокое знание истории семьи не оказало влияние на формирование локальной идентичности индивида.

В результате проведенного исследования можно заключить: несмотря на то, что почти все переселенцы и их потомки знают о месте рождения и родине предков и родителей, очевидно снижение ориентации на родину родителей и предков от поколения к поколению. Так, если у самих переселенцев влияние родственных связей выражено достаточно ярко, то у их внуков оно, практически, отсутствует. Они знают, откуда их предки, но это не мешает им при локальной самоидентификации ориентироваться на "свою", собственную родину.

Литература

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. - М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бороноев А.О. "Сибирство" как форма территориальной идентичности Режим доступа: http://sibident.narod.ru/text/boronoev.doc

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб., 2001.

Колосов В.А. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края // Полис, 2001. - № 2. - С. 61-72.

Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность и субъектность местного сообщества. - Режим доступа: http://manag.kubsu.ru/info/sekcia%203/morozova-ulko.doc

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под. ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю.Шведовой. - Изд. 20-е, стереотип. - М.: Русский язык, 1988.

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. - М.: Индрик, 2001.

Разумова И. А. Заполярный город на рубеже XX-XXI вв.: проблемы изучения культурной памяти // Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы изучения, сохранения и использования. - Каргополь, 2006а. - С. 489-499.

Разумова И.А. "Родина - это минимум, край": к проблеме локальной самоидентификации жителей Севера // Европейский Север в судьбе России. XX век (К 80-летию профессора А.А.Киселева): Сб. научных статей. - Мурманск, Изд. МГПУ, 2006б. - С. 39-45.

Разумова И. А. Роль семьи в процессе адаптации человека на Севере // Живущие на Севере: образы и реальность: Сб. научных статей. - Мурманск: Изд. МГПУ, 2006в. - С. 141-148.

Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Режим доступа: // http: // yanko. ru / books / culture / Sadomirskaya – rodina/ htm

Сверкунова Н.Б. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. - СПб., 2002.

Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. - М., 1999. - С. 108–115.

Фёдоров П.В. Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). - Мурманск, 2004. - 241 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005. - № 2-3. – С. 8-27.

Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В.Гельмана и Т.Холфа. – СПб.-М.: Летний сад, 2003.

Чернявская Ю.В. Тоска по пространству. - Режим доступа: // http: // courier/ com/ ru / homo / ho 0406 chernyavskaya/ htm

Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования, 1998. - № 4. С. 48-52.